

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЭПИТЕТЫ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Собиров Азизбек Баходир ўгли

Наманганский государственный институт
иностранных языков имени Исхокхона Ибрата.<https://doi.org/10.5281/zenodo.11096238>

Аннотация. В данной статье исследуются стилистические функции метафорических эпитетов в поэтическом тексте. Метафоре, занимающей, по-видимому, основное место в числе языковых средств выражения образов, посвящены многие работы.

Однако вопрос о стилистических функциях метафорических эпитетов до сих пор остаётся не до конца прояснённым.

Ключевые слова: метафора, эпитет, стилистические функции, метафорическое значение, метафоризация общезыко́вая, метафоризация индивидуально-авторская.

METAPHORICAL EPITHETS AND THEIR STYLISTIC FUNCTIONS

Abstract. This article examines the stylistic functions of metaphorical epithets in a poetic text. Many works are devoted to metaphor, which apparently occupies the main place among the linguistic means of expressing images. However, the question of the stylistic functions of metaphorical epithets is still not fully clarified.

Keywords: metaphor, epithet, stylistic functions, metaphorical meaning, general language metaphorization, individual author metaphorization.

Метафорический эпитет — это эффективный литературный прием, позволяющий добавить к языку выразительность, достоверность и яркость. Он находит применение в поэзии, прозе, публицистике, рекламе и других видах художественного и нехудожественного текста. Метафорические эпитеты помогают создать яркую и запоминающуюся картину, вызвать эмоциональный отклик у читателя и сделать текст более глубоким и интенсивным.

Значение метафорического эпитета заключается в том, что он позволяет оживить и усилить описание, сделать его более ярким и выразительным, а также раскрыть глубинные смысловые аспекты объекта или явления. Метафорический эпитет позволяет автору донести эмоции, передать настроение, создать особую атмосферу, увлечь читателя в мир своих образов и ассоциаций. Он играет важную роль в тексте, делая его более ярким, запоминающимся и эмоционально насыщенным. [2, 79]

Метафорические эпитеты могут использоваться в различных текстах — в поэзии,

прозе, рекламе, периодической прессе и т.д. Они помогают создать эмоциональное и образное восприятие текста, играют роль в развитии ассоциативного мышления и воображения читателя.

Примеры использования метафорического эпитета можно встретить во многих художественных произведениях. Например, *«злой ветер»* или *«нежный свет»* – такие эпитеты вносят в текст дополнительные оттенки и создают более полное представление о происходящем. Метафорический эпитет помогает читателю визуализировать описание, воссоздать образ в своем воображении и глубже понять содержание произведения.

«Солнце ласково улыбается» — этот эпитет изображает солнце не только как источник света и тепла, но и присваивает ему человеческие качества, выражая его доброжелательность и радость.

«Безмолвная тишина леса» — здесь тишина описывается как активная сущность, лишенная звуков, имеющая свою «личность» и оказывающая особое воздействие на окружающих.

«Синее небо простирается до горизонта» — эпитет «синее» не только описывает цвет неба, но также передает его просторность и излучает ощущение гармонии и свободы.

«Река шепчет свои тайны» — река не только изображается как физическое образование, но и сравнивается с человеком, способным говорить и хранить свои секреты.

Метафорические эпитеты выполняют две основные стилистические функции: образно-изобразительную и оценочно-выразительную.

1. Олицетворение природы. У Пушкина: *«Эльбрус ... величавый»*, *«мрачный герой»*, *«рогатый пень»*, *«седой поток»*, *«в дали угрюмой»*, *«берегов уединенных»* и др. У Лермонтова: *«вольную струю»*, *«рогатый сук»*, *«сердитый вал»*, *«сонные цветы»* и др. У Никитина: *«кудрявый хмель»*, *«месяц молчаливый»*, *«румяный лист»*, *«ручей сердитый»*, *«воздух сонный»*. Метафорических эпитетов рассматриваемого типа у Некрасова не отмечено, что, по-видимому, связано с индивидуальными особенностями его поэтики.

2. Олицетворение предметов быта, интерьера. У Лермонтова: *«стен глухих»*. У Никитина: *«постель больная»*, *«живой сосуд»*, *«с кудрявым вензелем»*, *«немые стены»*, *«комод пузатый»*, *«город сонный»* и др. У Некрасова: *«проворной иглой»*, *«проворной иголкой»*. [1,276]

3. Персонификация различных органов человека или животного. В таких случаях отдельные органы представляются как живые самостоятельные существа, чувствующие, думающие. Например, с существительным *«рука»* встречаем: *«отчаянной рукой»* (Лермонтов), *«усердной рукой»* (Никитин). У Некрасова находим *«добрые губы»*, *«усталая»*

грудь».

4. Персонификация того или иного состояния живых существ (человека или животного), поступков людей. Например, у Пушкина находим метафорические эпитеты: «алчной брани», «с безмолвным сожаленьем», «безмолвный укор», «кроткая ласка», «мрачную тоску», «приветом нежным и немым», «немоцному вою», «лаской притворной», «усталых чувств» и др. У Лермонтова зафиксированы такие метафорические эпитеты: «объяты жадные», «снов живых», «дружбы краткой, но живой», «вниманье скорбное» и др. Метафорические эпитеты Никитина: «прогулка грустная», «досадой молчаливой», «забота нежная и покорная», «немою тоскою», «смеха пьяного». [3,118]

5. Олицетворение и персонификация отвлеченных (в различной степени) понятий и явлений. Например, у Пушкина находим: «сиянии веселом», «дикой неги», «уединенный путь» и др. У Лермонтова: «юность вольная», «живая трель», «снов живых», «разгульная юность», «дух усталый», «юных дней» и др. У Никитина: «безропотная нищета», «грустная тишина», «ряд немой», «песни пьяные» и др. У Некрасова: «хвастливая песня».

Экспрессивная функция эпитета становится максимально ощутимой в тех случаях, когда эпитеты выстраиваются в (квази)синонимический ряд и каждый член ряда вносит свой уникальный стилистический оттенок значения: ср. *Унылая, грустная дружба к увядающей саше имела печальный, траурный отблеск* (А.И.Герцен).

В стихотворном тексте, благодаря единству и «тесноте» стихового ряда, эпитет в роли определения и само определяемое им выражение в совокупности приобретают некоторый слитный групповой смысл, растворяясь в своем составе и другие стилистические тропы и фигуры, например метафору-сравнение; ср.

у А.Пушкина: *Низал он хитрою рукой / Прозрачной лести оже-релья / И четки мудрости златой*. [3,278]

Здесь подчеркнутые эпитеты распространяют семантические признаки (соответственно, «быть прозрачным» и «быть золотым») на метафорические конструкции конструкции в целом, заставляя по-новому перегруппировывать и коррелирующие семантические признаки самих этих конструкций. Получаются не отдельные высказывания «низать лести подобно прозрачному ожерелью» и «низать золото мудрости на четки», а параллельные: прозрачными оказываются и лести, и ожерелье; а золотыми – и четки, и мудрость. В этом смысле мы можем говорить о признаковой, предикцирующей функции эпитета, которая позволяет отыскивать в словосочетаниях такой смысл, который напрямую не выводится из значений согласуемых слов и допускает широкий спектр семантических трансформаций:

ср. *громокипящий кубок* (метафора), *красный смех* (цветовая метафора-гипербола), *левый мари* (метонимия), *горячий снег* (оксю-морон), *белая гибель* (Б.Лавренев – метонимия на фоне паронимической аттракции). Поэтому неслучайно, что подобные атрибутивные сочетания нередко выступают в роли заглавий целых произведений, вынося доминантный признак на поверхность всего текста: *Красный смех* Л.Андреева, *Громокипящий кубок* И.Северянина (само это название – цитата из Ф.Тютчева), *Левый мари* В.Маяковского, *Белая гибель* Б.Лав-ренева, *Горячий снег* Ю.Бондарева. Таким образом, внутри обобщенной «признаковой» функции эпитета оказывается возможным говорить о более частных его функциях – характеризующей, индивидуализирующей, выделительной, номинативной и текстопорождающей.

REFERENCES

1. А.А. Зеленецкий «Эпитеты литературной русской речи» «Archive Publica» ISBN: 978-5-519-85975-2
2. В.П. Москвин Русская метафора: Опыт семиотического описания. Изд. 5, сущ. перераб. и доп. 2019 г. 352 с. ISBN 978-5-9710-6734-4.
3. К.С. Горбачевич «Словарь эпитетов русского литературного языка» Санкт-Петербург «с норинт» 2002 г. 376 с.